

М. Я. Р. <Рабинович М.Я.>

Московский Художественный театр. «Вишневый сад».

Источник: Голос России (Берлин). 1922. 1 октября. № 1073. С. 8.

Художественный театр связан с Чеховым особой внутренней связью. Лучшего исполнения чеховских вещей нет, не было и не может быть. Мы глубоко благодарны художникам за высокое эстетическое наслаждение, которое они нам вчера доставили. Все было хорошо. Декорации, постановка, игра.

И не только игра, а паузы. Художники не даром славятся умением молчать на сцене. Создается настроение, тонкое, неуловимое. Музыка молчания более убедительная, чем слова. Ибо слова несколько устарели. Та драма историческая и реальная, драма уходящего дворянства, бесполезно красивого вишневого сада, уступающего место прибыльным дачным участкам – пережита нами окончательно. Она – прошлое, и прошлое маленькое, уголочек нашей истории слишком недавний и мелкий, чтоб волновать нас, как волновало прошлое поколение. Драма, шедшая на сцене, была для нас драмой чужих людей. В трагедию же общечеловеческую, извечную противоположность действительности и мечты, противоположность между людьми, обеими ногами стоящими на земле, как Лопухин, и людьми, не умеющими и не могущими приспособиться к земле, как Гаев и Раневская, – Художественный Театр не захотел превращать Вишневого Сада. Может быть, он был прав. Чехов не думал об этом, как, вероятно, не думал о том, что младшее поколение, зовущее к жизни, Петя и Аня также оторваны от земли и жизни, такие же мечтатели, так же осуждены на гибель. И новый вишневый сад Ани будет вырублен как сад ее матери, погибнет, как гибнет всякая мечта под топором действительности.

Повторяю, Чехов задумал «Вишневый сад» именно т<ак>, к<ак> выполнили его художники. И не их вина, что прошлое, которое они старались оживить, мертво, и зрительный зал не мог с этим прошлым слиться. Зритель – зал и сцена остались разъединенными. Лишь изредка, в отдельные минуты музыка настроения, созданного на сцене, звучала и в сердцах зрителей.

И все же было очень хорошо. Играли художники, как всегда, превосходно. Особенно хороша была г-жа Книппер-Чехова, – давшая тонкий и чеканный образ Раневской. Прекрасный Гаев был К.С. Станиславский. Епиходов г-на Москвина продуман до мельчайших подробностей, претворен в яркий законченный тип. Ни одного лишнего, ненужного штриха, несмотря на всю трудность избежать шарж <sic!>.

Прелестная свежая Аня г-жа Тарасова, очень мила Булгакова – Дуняша. Интересный Лопухин – Леонидов. Крыжановская симпатичная Варя. Хорош, как всегда, и г. Лужский в роли Фирса.